

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гитлер и национал-социализм в новейшей историографии (1996—2020)	11
I. Введение	61
II. Гитлер и революция	81
III. Социальные цели Гитлера и его оценка основных классов современного общества	137
IV. Революционизация политики и экономики и перестройка экономического порядка как главные целеполагания Гитлера	235
V. Гитлер — противник современного индустриального общества? Модернистские и антимодернистские элементы в мировоззрении Гитлера	305
VI. Представления и цели внутренней политики Гитлера	375
VII. Самооценка Гитлера в политическом спектре	445
VIII. Заключение	481
Р. Цительманн. К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера	497
Р. Цительманн. Национал-социализм и антикоммунизм	515
Ю. В. Фальтер. Свобода от оценочных суждений как вызов для исследований о Гитлере и национал-социализме	535
Примечания	547
Библиография	609
Сокращения	625
Указатель имен	626
Об авторе	634

СОДЕРЖАНИЕ

Гитлер и национал-социализм в новейшей историографии (1996—2020)	11
Мировоззрение Гитлера и национал-социалистическая идеология	16
Дискуссия о книге Гёца Али «Народное государство Гитлера»	20
«Народная общность» — мифы, обетование, реальность?	24
Насколько современен был национал-социализм?	28
Национал-социалистическая революция?	37
Новейшие биографии Гитлера: Кершоу, Ульрих, Лонгерих, Пыта, Симмс	40
Национал-социализм и антикоммунизм	49
Примечания	51
Список литературы к «Гитлер и национал-социализм в новейшей историографии (1996—2020)»	58
I. Введение	61
II. Гитлер и революция	81
1. «Так называемая революция» ноября 1918 г.	81
2. Взгляд Гитлера на государство и «обязанность мятежа»	92
3. Понятие революции у Гитлера	96
4. Взгляд Гитлера на исторические революции	100
а. Французская революция 1789 г.	100
б. Провозглашение Третьей республики в сентябре 1870 г.	104
в. Революция 1848 г. в Германии	106
г. Евреи как предводители революций и «отрицательный пример» для Гитлера	106

5. Революционные претензии Гитлера	107
а. С 1919 г. до гитлеровского путча в 1923 г.	107
б. О проблеме совместимости революционных претензий и тактики легальности.	109
Экскурс: подумывал ли Гитлер в августе 1932 г. о насильственной революции?	111
в. Изображение Гитлером нацистской революции: один из крупнейших переворотов в истории, но в умеренной и дисциплинированной форме.	115
Экскурс: «...вот так мы стали революционерами»	120
г. Всемирно-историческое значение национал-социализма: вступление к новой эпохе	124
д. Продолжение или завершение нацистской революции? Противоречивые высказывания Гитлера и «путч Рема»	128
III. Социальные цели Гитлера и его оценка основных классов современного общества	137
1. Гитлер о значении и возникновении социального вопроса	137
2. Значение и обоснование концепции «равенства шансов» в социальной программатике Гитлера	143
3. Отношение Гитлера к основным классам и слоям современного буржуазного общества	163
а. Буржуазия	164
— Несоциальное поведение, игнорирование рабочего вопроса либо отклонение оправданных требований рабочих	164
— Жажда прибыли, «материализм»	168
— Критика буржуазного национализма	169
— Буржуазные партии: отсутствие мировоззрения, борьба только за парламентские места	171
— «Слабость, недостаточная решимость, отсутствие энергии, трусость»	174
— Неспособна к политическому руководству	181
— Историческая миссия буржуазии завершена	183
б. Рабочий класс	188
— Понятие «рабочая партия».	188
— Обоснование Гитлером концентрации на рабочем классе: рабочие как «источник силы и энергии».	192
— Повышение социального престижа рабочих и ручного труда	201

— Социальное законодательство	207
в. Средний класс	208
г. Крестьяне	211
4. Значение понятия «народная общность» в мировоззрении Гитлера	215
IV. Революционизация политики и экономики и перестройка экономического порядка как главные целеполагания Гитлера	235
1. Недооценка значения экономических вопросов в мышлении Гитлера	235
2. Отношение Гитлера к экономической науке	238
3. «Вторичная роль экономики» и примат политики	242
4. Предостережения о переплетении интересов экономики и политики	252
5. Рынок и план	257
6. Частная собственность и национализация	275
7. Гитлеровская «критика капитализма» в ранних речах.	297
V. Гитлер — противник современного индустриального общества? Модернистские и антимодернистские элементы в мировоззрении Гитлера	305
1. Аграрная утопия как конечная цель? К критике неверного понимания в трактовке функции и представлений о структуре «жизненного пространства на Востоке» в концепции Гитлера	305
а. Обоснование концепции жизненного пространства в рамках экономических представлений Гитлера: критика экономической экспансии и концепция автаркии.	306
— Несоответствие между численностью населения и жизненным пространством	306
— Экономическая экспансия Германии как причина Первой мировой войны	308
— Теория «свертывания рынков» как аргумент против стратегии экономической экспансии	310
— Результат экономической экспансии: возникновение диспропорциональности между сельским хозяйством и промышленностью, рост городского населения и бегство из сельских районов	315
— Жизненное пространство и концепция автаркии	321

б. Создание дополнительной сельскохозяйственной территории путем переселения крестьян	332
в. Жизненное пространство как источник сырья	335
г. Жизненное пространство как рынок сбыта	340
д. Деиндустриализация России.	343
Экскурс: критика Гитлером экспорта капитала	344
2. Отношение Гитлера к современному индустриальному обществу	347
а. Положительные высказывания Гитлера о современном индустриальном обществе	347
— Постоянное повышение уровня жизни как предпосылка	347
— Высокоиндустриальная экономика США как пример для подражания	352
— Гитлер об индустриализации и техническом прогрессе	356
б. Гитлер о разрушении окружающей среды как следствии индустриализации	362
3. Естественно-научное мировосприятие Гитлера и его критика «мистицизма» Розенберга и Гиммлера	368
VI. Представления и цели внутренней политики Гитлера	375
1. Критика демократии Гитлером	375
а. Критика «принципа большинства»	375
б. Критика Гитлером плюралистической системы: всеобщее благо против «политики интересов»	380
в. Демократия как форма правления капитала	386
г. Демократия как признак упадочничества и слабости	389
д. Гитлер о политической свободе	391
2. «Историческое меньшинство» как революционный субъект	394
а. Принципы привлечения элиты на этапе становления движения и теория «исторического меньшинства»	394
б. Проблемы привлечения элиты на этапе системы	402
Экскурс: принцип Гитлера: делайте вывод о расе, отталкиваясь от «одаренности и пригодности», а не наоборот.	414
3. Государство фюрера	418
а. Гитлер о конституционном вопросе и вопросе преемства	419
б. «Принцип фюрерства»	427

в. Диктатура как «высшая форма демократии»	431
г. Гитлер о федерализме и унитаризме	435
VII. Самооценка Гитлера в политическом спектре	445
1. «Левый» или «правый»?	445
2. Национал-социализм как синтез национализма и социализма	451
3. Оценка Гитлером родственных и враждебных политических движений и систем	455
а. Социал-демократия	456
б. Коммунизм	460
в. Отношение Гитлера к марксизму	463
г. Позиция Гитлера по отношению к Сталину	468
д. Критика Гитлером итальянского фашизма и реакционного режима Франко в Испании	475
VIII. Заключение	481
Р. Цительманн. К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера	497
Р. Цительманн. Национал-социализм и антикоммунизм	515
Ю. В. Фальтер. Свобода от оценочных суждений как вызов для исследований о Гитлере и национал-социализме	535
Примечания	547
Библиография	609
Сокращения	625
Указатель имен	626
Об авторе	634

ГИТЛЕР И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹ (1996—2020)

Это не биография Гитлера, а исследование его целей и мировоззрения, особенно в области социальной, экономической и внутренней политики. Каковы были взгляды Гитлера на экономику? Каков был его взгляд на современное индустриальное общество? Что он думал о капитализме и социализме, о рыночной и плановой экономике, о частной собственности и национализации? Каковы были его взгляды на социальные слои немецкого общества — рабочих, буржуазию, средний класс и крестьян? Каковы были его социально-политические идеи? Что именно он имел в виду, употребляя термин «Volksgemeinschaft»? Как он позиционировал себя в политическом спектре: что он думал о социал-демократии, коммунизме и фашизме?

Со времени первой публикации настоящей книги 30 лет назад не появилось ни одной работы на эти темы, но, конечно же, потоком пошли книги и статьи о Гитлере и национал-социализме. Попытка оценки всех этих исследований и комментирования всех противоречий означала бы выход далеко за рамки моей книги. Тем не менее на следующих страницах я хочу рассмотреть некоторые важные работы о национал-социализме и биографии Гитлера, в особенности те из них, чьи результаты связаны с постановкой вопросов, лежащих в основе настоящей книги.

Книга, 5-е издание которой читатель держит в руках, писалась в 1985—1986 гг. под руководством Карла Отмара барона фон Аретина в качестве диссертации в Техническом университете Дармштадта. В ней впервые были исследованы и реконструированы на основе большого количества источников социальные, экономические и внутривнутриполитические взгляды Гитлера. В то же время, благодаря более внимательному, чем раньше, анализу социально-революционных мотивов мировоззрения Гитлера, она должна была способствовать пониманию привлекательности национал-социализма и эффективности его воздействия на массы. Появившись впервые в 1987 г., книга получила, по преимуществу, высокую оценку в кругах исследователей², и после основательного изучения новейших литературных источников я могу сказать: результаты выдержали проверку временем,

а значимость поставленных в ней вопросов подтверждается целым рядом новых исследований³.

Исходным пунктом моего анализа был вывод о том, что те компоненты мировоззрения Гитлера — антисемитизм и идеология жизненного пространства, — на которые до сих пор в основном обращали внимание исследователи, не были причиной привлекательности национал-социализма и эффективности его воздействия на массы, тем более что в речах Гитлера с 1929 по 1932 г. они практически не играли никакой роли. Попытки объяснений, выделявшие прежде всего иррациональные аспекты, по моему мнению, не являлись убедительными. Я же, напротив, подчеркивал социалистические и революционные мотивы в мировоззрении Гитлера, а также обещанное продвижение по социальной лестнице в качестве существенных причин притягательности национал-социализма.

К совершенно сходным результатам — правда, с другой точки зрения — пришел в 1996 г. Уильям Бруштейн в своей книге «The Logic of Evil. The Social Origins of the Nazi Party, 1925—1933». «Мой главный тезис заключается в том, — пишет Бруштейн, — что масса последователей нацизма была мотивирована в основном обычными и рациональными факторами, а именно своими материальными интересами, а не иррациональной привлекательностью или харизмой Гитлера⁴. Антисемитизм — тут Бруштейн явно со мной согласен⁵ — играл в период подъема НСДАП с 1929 по 1933 г. второстепенную роль⁶.

На основе анализа наборов данных, собранных им и Юргеном Фальтером, Бруштейн выяснил, что 40% лиц, вступивших в НСДАП с 1925 по 1933 г., были рабочими. Еще раньше Юрген В. Фальтер выяснил, что число рабочих в электорате НСДАП было гораздо выше, чем предполагалось до сих пор⁷. Бруштейн показывает, что среди членов НСДАП число квалифицированных рабочих было явно выше числа неквалифицированных рабочих⁸. Как раз для этих групп рабочих обещанный Гитлером подъем по социальной лестнице — тема, играющая большую роль в настоящей книге, — был особенно привлекательным. «Стремление к экономическому прогрессу и ощущение того, что НСДАП, единственная среди партий рабочего класса, отвечала этому стремлению, сделали НСДАП привлекательным вариантом для миллионов немецких рабочих»⁹.

С тезисами моей книги совпадают и выводы Бруштейна: «Сочетая националистическо-этактистское мышление с креативной кейнсианской экономической теорией, НСДАП, как никакая другая партия, создала программу, которая решала материальные проблемы многих немецких рабочих»¹⁰. Антисемитизм, супернационализм и ксенофобия, пишет Бруштейн, «сыграли незначительную роль в становлении НСДАП». Гораздо важнее было другое: «Только нацистская партия разрабатывала экономические программы, которые, по мнению многих немцев, смогли устранить их недовольство или обеспечить средства для большей социальной мобильности»¹¹.

В 2020 г. было опубликовано новое новаторское исследование Юргена Фальтера о членах НСДАП. 30 января 1933 г., в день назначения Гитлера

канцлером, НСДАП насчитывала 900 тыс. членов. К моменту распада Третьего рейха в 1945 г. эта цифра достигла почти 9 млн человек. Или, другими словами, к концу войны в Германии примерно каждый седьмой избиратель, имеющий право голоса, был членом партии.

После своего реформирования в 1925 г. НСДАП принимала новых членов из широких кругов населения всего в течение 12 из последующих 20 лет. Раз за разом прием в члены НСДАП приостанавливался. В «Майн кампф» и ряде ранних выступлений Гитлер уже разработал теорию «исторического меньшинства». Фальтер основывает свое изложение этой теории главным образом на главе VI.2 данной книги: историческое меньшинство должно состоять из «мужественных» людей, готовых пойти на большие жертвы, как личные, так и ради своей карьеры. По мнению Гитлера, до прихода политического движения к власти, в период, когда ему оказывают ожесточенное сопротивление «система истеблишмента» и другие оппоненты, оно неизбежно будет привлекать только «смелых» членов. Однако после захвата власти Гитлер предупреждал в «Майн Кампф», что «все большее число оппортунистов будет вступать в партию, преследуя свои личные выгоды или делая карьеру». И на самом деле именно так и произошло. После 30 января 1933 г. в притоке новых членов все более заметную роль играли оппортунизм и карьерные амбиции: только с 30 января по конец апреля 1933 г. в НСДАП вступили 1,75 млн новых членов, после чего прием в партию был приостановлен. Но, несмотря на регулярное прекращение приема, численность членов партии продолжала расти.

После войны многие члены партии заявляли, что их заставили вступить в партию. Несмотря на обширный анализ, Фальтер не находит никаких доказательств, подтверждающих эти утверждения. На самом деле члены партии имели полную возможность выйти из нее и аннулировать свое членство. В период с 1925 по 1945 г. из НСДАП вышли в общей сложности 760 тыс. членов, 250 тыс. до января 1933 г. и почти полмиллиона членов покинули партию во время нацистской диктатуры.

В предыдущих исследованиях утверждалось, что именно средний класс был решающей социальной опорой национал-социализма как с точки зрения членов партии, так и с точки зрения избирателей. Многие из этих социологических теорий основывались на очень скудных массивах данных. Некоторые из них основывались даже не на данных, а на предположениях. В своем исследовании Фальтер проанализировал самую большую и наиболее полную выборку из двух центральных картотек членов НСДАП. Как показывает Фальтер, после 30 января 1933 г. в партию вступило непропорционально большое количество «белых воротничков» – лиц свободных профессий и государственных служащих. Тем не менее доля рабочих в НСДАП всегда была гораздо выше, чем считалось ранее. Как и среди избирателей партии, около 40% членов НСДАП составляли представители рабочего класса. По своему социальному составу НСДАП не была ни рабочей партией, ни партией среднего класса, скорее это была «всеобъемлющая партия протеста».

Мужчины были представлены в партии гораздо сильнее, чем женщины, что характерно и для других политических партий Веймарской Германии.

Однако в чем НСДАП отличалась от других партий, так это в молодости своих сторонников. В первые годы большинство новых членов партии были моложе 30 лет, в том числе многие даже моложе 25 лет. Затем, по мере старения партии, средний возраст ее членов увеличивался. В связи с этим после второй приостановки приема новых членов в 1942 г. в партию принимались только выпускники Гитлерюгенда и БДМ (Союз немецких девушек, отделение Гитлерюгенда исключительно для девушек), а также лица, прошедшие войну и уволившиеся из вермахта. Партия должна была оставаться молодой.

По мнению Фальтера, не существовало единого, всеобъемлющего мотива стать национал-социалистом. Определенную роль играл Антисемитизм, но в основном среди сторонников так называемой старой гвардии, вступивших в партию до октября 1928 г. Согласно одному из расчетов, приведенных Фальтером, 50% людей старше 40 лет и всего 26% людей в возрасте от 20 до 40 лет назвали враждебное отношение к евреям основным мотивом вступления в партию. Несомненно, НСДАП была антисемитской партией, но Гитлер знал, что антисемитизм мобилизует лишь меньшинство избирателей. В отличие от раннего периода существования НСДАП, в конце 1920-х годов Гитлер в своих выступлениях не акцентировал антисемитские мотивы. Вместо этого он уделял гораздо больше внимания своим социальным обещаниям.

Одновременно с идеалом «Volksgemeinschaft» (национальной общности) нередко возникало стремление к отмене привилегий и сложившейся классовой системы. Часто встречаются упоминания об общности фронтовиков, о стремлении к уничтожению классовых барьеров и социальной справедливости для всех классов. Сочетание национализма и социализма в названии, а также политическая программа партии были основными факторами, повышавшими привлекательность НСДАП¹².

В этом вступительном обзоре я занимаюсь исследованиями темы «Гитлер», появившимися с 1996 г., поскольку по предыдущим годам имеется отличная работа Джона Лукача «Гитлер. История и историография», вышедшая в 1997 г. одновременно в Америке и Германии. Это историографический труд, дающий представление о проводимых по всему миру исследованиях темы «Гитлер», и одновременно попытка сделать резюме. Кроме того, Лукач демонстрирует сделанные им на основе этих исследований выводы. При этом он следует интерпретации, разработанной мною в настоящей книге. «Не только огромный поток источников, исследовательских работ и прочих писаний о Гитлере, но и определенная точка зрения приводят меня к ошеломляющему выводу: Гитлер был, быть может, самым популярным революционным вождем современного мира»¹³.

Необходимо по-новому взглянуть на то, кем был Гитлер и что означают понятия «прогрессивный» и «современный». Лукач подчеркивает «современные», «социальные» и «прогрессивные» аспекты мировоззрения Гитлера

«не для того, чтобы преуменьшить их серьезность, а чтобы, напротив, сделать понятной опасную притягательную силу, которую они имели в прошлом (а иногда и как минимум потенциально могут иметь в настоящем)»¹⁴. Лукач пришел к выводу, «что Гитлер был новым видом революционера, популистским революционером в демократическую эпоху, несмотря на все еще имевшиеся тогда более старые элементы германских учреждений и германского общества, многие из которых он сумел инструментализировать в своих целях»¹⁵. По мнению Лукача, Гитлер не был реакционером; напротив, он видел в реакционерах своих самых опасных врагов в Германии. Надо ловить Гитлера на слове, чтобы его понять, полагает Лукач. «Следовало бы обращать внимание на то, что он имел в виду. Революционер хочет не только повести государственный корабль по другому курсу; он хочет преобразовать общество»¹⁶.

Лукач считает, что мое исследование о самоидентификации Гитлера в качестве революционера содержит ряд выводов, имеющих «бесспорную значимость». Сюда он относит прежде всего вывод о том, «что Гитлер действительно был революционером и что, следовательно, его цели и представления о будущем были *современными* вне зависимости от того, какие традиционные немецкие корни они могли иметь. Поэтому и его представления и планы по преобразованию германского общества были современными»¹⁷. Кроме того, Лукач согласился с моим выводом о том, «что Гитлер, в противоположность широко распространенному мнению, не был невеждой в экономических вопросах и они не были ему безразличны»¹⁸.

Лукач использует понятие, которое я сам не использую в моей книге, но которое, однако, спустя десятилетия употребляется всеми, а именно понятие «популист». Гитлер, пишет Лукач, «был популистом. Он верил в суверенность народа, выступал за современный популизм и не был старомодным демагогом». Правда, замечает Лукач, популисты существовали и до Гитлера, но Гитлер понял, «что современный популизм по самой своей природе должен быть националистическим и, что еще важнее, национализм должен быть популистским»¹⁹. Лукач не собирался с помощью этой категоризации приукрасить образ Гитлера. Напротив. Он постоянно называл себя «реакционером» и одним из первых историков предупредил об опасностях современного популизма.

В 2001 г. вышел написанный Ульрихом фон Хелем обзор работ о национал-социализме. К моим тезисам Хель относится более критично, чем Лукач, признавая, однако, что ими я «оживил работу исследователей»²⁰. Согласно Хелю, я исхожу из трех «предпосылок»²¹: «1. отрицания закрепившегося в качестве нормы понятия модернизации; 2. разрыва утвердившейся связи между модернизацией и демократизацией; 3. сомнений по поводу тезиса о непреднамеренном модернизирующем влиянии национал-социализма, каковой тезис он [Цительманн] описывает как целенаправленно сформулированный»²². Кроме того, как верно резюмирует Хель выводы моего исследования, я придерживаюсь мнения, «что мысли Гитлера содержали,

кроме хорошо известных целей в сфере внешней и расовой политики, также и заслуживающие серьезного внимания идеи в сфере экономики, общественных отношений и внутренней политики и даже что диктатора следует рассматривать как социального революционера и сознательного модернизатора, а главная цель завоевания нового „жизненного пространства“ на востоке определялась в первую очередь не расовой идеологией, а экономическими соображениями». На эти соображения, продолжает Хель в своем обзоре исследований, следует возразить, что из-за фиксации исключительно на фигуре Гитлера остаются без внимания внешние факторы, имеющие неоспоримое собственное значение²³. Эти справедливые выводы Хеля и реакцию исследователей на них я рассмотрю ниже.

Мировоззрение Гитлера и национал-социалистическая идеология

В заключении к настоящей книге я констатировал, что не существовало какого-то «одного» национал-социалистического мировоззрения; поэтому я использовал понятие «гитлеризм». Мировоззрение других национал-социалистов не являлось предметом моей работы, но в главе V.3 я показываю, что между мировоззрением Альфреда Розенберга и Генриха Гиммлера, которое Гитлер критиковал как «мистицизм», и его собственными воззрениями имелись существенные различия.

Риккардо Бавай с полным правом заявлял, что подчеркивание разнородности системы национал-социалистического мировоззрения не означает «оспаривание силы воздействия идей, которые также определяли действия национал-социалистов и решающим образом влияли на возникновение национал-социалистического движения». Он полагает, что неправильно не принимать всерьез исследования истории фашистских идей, считая такие исследования академическими играми в бисер, тем более что ведущие деятели национал-социалистического движения сами «имели вполне четкое мировоззрение»²⁴.

Это доказывается в написанной в качестве докторской диссертации (в том числе у Грегора Шёльгена и Ганса-Ульриха Тамера) работе Франка-Лотара Кроля «Утопия как идеология», заполнившей важный пробел в научных исследованиях. Помимо идеологии Гитлера, Кроль проанализировал также идеологии Розенберга, Рихарда Вальтера Дарре, Гиммлера и Йозефа Геббельса. Кроль решил исследовать идеи этих пяти национал-социалистов, поскольку в отношении них действует двойной критерий — мощное идеологическое воздействие и фактическая вовлеченность в конкретный процесс принятия политических решений в Третьем рейхе²⁵.

Кроль отмечает, что между этими национал-социалистическими «пионерами мысли» было мало общего, если не считать уверенности в том, что построение национал-социализма означает фундаментальный эпохальный поворот во всемирной истории, который должен создать «нового человека»

и «новый мир»²⁶. Кроль показывает, что за этой — с моей точки зрения, весьма малой — общностью скрывались существенные различия. Например, Гитлер считал «всякие мечтания по поводу германского духа, каковые были распространены прежде всего в кругах гиммлеровских СС, а также в рамках отстаиваемой Дарре идеологии „крови и почвы“, безвкусными частными закидонами далеких от жизни и реальности сектантов, вредными для конечных целей национал-социализма»²⁷. «В противоположность напрашивающимся и широко распространенным паушальным оценкам Гитлеру был мало симпатичен мир германского духа»²⁸.

Что касается анализа мыслей Гитлера об истории и его политических представлений о мире, то в работе Кроля обнаруживаются не только многочисленные совпадения с результатами моей работы, но и некоторые отличия. Кроль также соглашается с тем, что, согласно одной из существенных базовых идей Гитлера, эра буржуазии — прогнившей, дряхлой и трусливой — подходит к неизбежному концу²⁹. Говоря о гитлеровской «теории о конце буржуазной эпохи», Кроль указывает на то, что этот аспект представления Гитлера о буржуазии впервые был подробно рассмотрен мною, критикует, однако, тот факт, что в моем анализе не учитывается идеологический и исторический контекст этой точки зрения³⁰.

Кроль считает, что историческая исключительность «народного государства», якобы связующего противоречия интересов разных слоев, и тем самым всемирно-историческая эпохальность появления национал-социализма «лежат для Гитлера в социальной сфере». Он добавляет, что «современные» компоненты намеченной при этом Гитлером социальной программы, которая должна была устранить унаследованные классовые различия, постоянно имели «кроме своего программного содержания, к которому он относился совершенно серьезно, и определенный инструментальный характер»³¹.

Совпадения с моим трудом имеются и относительно взглядов на «модернизм» Гитлера. Беря, правда, это понятие в кавычки, Кроль, однако, решительно возражает таким авторам, как Ганс Моммзен и Йенс Альбер, критикующим мои выводы и отрицающим наличие у Гитлера и национал-социализма этого признака. Кроль указывает на многочисленные доказательства модернизма Гитлера, и вот его критическое замечание: «Непонятно (и является, по всей видимости, следствием идеологически запрограммированной слепоты в отношении источников), когда представители определенного направления исследований на фоне множества подобных высказываний упорно отказываются признать за идеями Гитлера элемент специфической формы современного „модернизма“. <...> В этой связи, — полагает Кроль, — следует скорее спросить себя, не характеризует ли Гитлера его интерес к достижениям и изобретениям индустриального века как представителя того распространенного в конце XIX столетия оптимистического взгляда на прогресс, против которого выступали как раз предполагаемые „антимодернисты“ внутри национал-социалистического движения с их в то

время анахронистскими, а сегодня зачастую выглядящими почти „современными“ (например, экологическими) аргументами»³². Мысль, что Гитлер был в этом отношении, хотя того и не признавая, «все же дитя XIX века», встречается и в настоящей работе³².

По многим другим пунктам также есть соответствия между реконструкцией взглядов Гитлера на историю у Кроля и выводами настоящей книги — например, когда Кроль справедливо подчеркивает большое значение его теории «исторического меньшинства». На центральной роли теории «исторического меньшинства» в мышлении Гитлера я останавливаюсь подробно в главе VI.2.

Различия между моей работой и работой Кроля имеются и в оценке роли экономических вопросов в мышлении Гитлера. Я показываю, как сильно влияли экономические соображения и экономико-политические убеждения Гитлера на его взгляды, в том числе и именно для обоснования его цели завоевания «нового жизненного пространства на востоке»³⁴.

Барбара Ценпфенниг выпустила в 2000 и 2001 гг. две книги, посвященные реконструкции мировоззрения Гитлера на основе его книги «Майн кампф». Принимать Гитлера всерьез, стремиться к объективной реконструкции его мировоззрения и ориентироваться на его мышление — этот подход роднит ее книги с моей. «Даже знание об ужасах, порожденных правлением Гитлера, не оправдывает замену анализа морализаторством. В конце концов, комментарий — если он хочет быть научным — должен стараться быть справедливым по отношению к тексту, и это самый большой вызов»³⁵.

Ценпфенниг следует герменевтической методике, т.е. пытается понять «Майн кампф» изнутри. Ее комментарий «относится к тексту как к тексту и исследует его с учетом внутренней структуры»³⁶. Она стремится «путем интенсивного проникновения в мысли Гитлера и их анализа... реконструировать мир таким, каким он ему представлялся»³⁷. Ценпфенниг подчеркивает — так же, как Эберхард Йекель и я, — внутреннее единство мировоззрения Гитлера³⁸. Она выступает против тезиса, согласно которому мышление Гитлера представляет собой грубую смесь стереотипов XIX в., и приходит к выводу, что оно является скорее «удивительно логичной мировоззренческой системой»³⁹.

В своей книге «„Майн кампф“ Гитлера. Интерпретация», вышедшей в 2000 г., она объективно отражает мои исследования. Ценпфенниг справедливо подчеркивает, что, реконструируя мировоззрение Гитлера, я осознал, что «тематизирую лишь часть общей концепции»⁴⁰. Тут и начинается ее критика: «Как можно, однако, правильно анализировать часть, не исследуя ее функцию внутри целого?»⁴¹ Так, например, полагает она, следовало бы исследовать связь между антисемитизмом Гитлера и анализируемыми мной социальными, экономическими и внутривнутриполитическими целями.

Фактически это насущная необходимость. Цель, состоящая в том, чтобы охватить мышление Гитлера целиком, как раз и не может быть достигнута анализом, опирающимся полностью или преимущественно лишь на один его текст, а именно на «Майн кампф». Как ни подчеркивай внутреннюю

логику, последовательность и константы мышления Гитлера, нельзя упускать из виду, что его взгляды — как и у большинства политиков — в течение десятилетий менялись во многих аспектах. Я показываю это в опубликованной на с. 557—576 статье, посвященной обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера.

Среди исследователей наблюдаются две крайности: одни — как, например, Моммзен или Велер — решительно отказываются от того, чтобы заниматься мышлением Гитлера, которое они называют путанным и не имеющим значения для понимания истории национал-социализма. Другие — например, Йекель или Ценпфенниг — берутся за изучение мышления Гитлера, однако слишком односторонне опираются на немногие источники (прежде всего на «Майн кампф»), пренебрегая вопросом о том, как оно развивалось. Удивленные и, быть может, каким-то образом даже очарованные внутренней логикой и связностью его мышления, они проходят мимо того, чтобы в достаточной степени учесть противоречия и линии развития во временном аспекте.

В настоящей книге демонстрируется на нескольких примерах — например, с учетом взглядов Гитлера на экономику, — что его мышление вполне было подвержено изменениям и было бы неверно отождествлять взгляды Гитлера начала 20-х годов со взглядами конца 30-х. Какому-либо исследователю стоило бы однажды проанализировать мышление Гитлера преимущественно в аспекте перемен — при всех основных константах.

В то время как книги Ценпфенниг содержат целый ряд заслуживающих внимания мыслей — например, ее тезис, что «расизм Гитлера лишь относительно обуславливался биологически»⁴², — книга Ларса Людике о «Мировоззрении Гитлера» (2016) не содержит новых или развивающих данную тему выводов. Правда, он справедливо замечает, что нельзя выводить мышление Гитлера только лишь из «Майн кампф», поскольку эта книга «представляет собой всего лишь текст, отсылающий к источникам»⁴³. Однако сам он совершает в точности ту же ошибку, реконструируя представление Гитлера о завоевании жизненного пространства исключительно на основании отрывков из «Майн кампф»⁴⁴.

Людике следует за высказываниями Гитлера в «Майн кампф» и повторяет его тезисы о «еврейском большевизме», в которые сам Гитлер, однако, — как я доказал на основе многочисленных документальных источников⁴⁵ — самое позднее в 1939 г. уже не верил, хотя продолжал и дальше придерживаться их по пропагандистским причинам. Существенное обоснование его целей в отношении «жизненного пространства» заключалось не в его расовой идеологии, а в экономических соображениях, что доказывает более точный анализ его публичных и непубличных высказываний, в том числе и во временном контексте.

В отличие от того, что утверждается в предисловии, книга Людике не основывается на анализе всех высказываний Гитлера. Кроме того, игнорируются либо остаются очевидно неизвестными автору результаты уже проведенных исследований. Так, например, в списке литературы отсутствуют

важные сочинения Баркая (1975) и Крюгера (1980) об экономических взглядах Гитлера, а также мои книги и статьи; не учитывается и их содержание.

В 2010 г. вышла книга Тимоти Райбека «Книги Гитлера. Его библиотеки — его мышление». Август Кубицек, друг Гитлера в юношеские годы, вспоминал: «Книги, всё книги и книги. Я не могу представить себе Адольфа без книг. <...> Книги были его миром». Эта страсть к книгам, продолжает Кубицек, не имела никакого отношения к релаксации или удовольствиям; это «была серьезнейшая работа»⁴⁶. Гитлер собирал книги, его библиотека насчитывала 16 300 наименований⁴⁷. В налоговой декларации Гитлера расходы на книги были третьей по размеру статьей⁴⁸.

Сам он утверждал, что прочитывал за ночь минимум одну книгу, иногда и больше⁴⁹. Одну из основных частей библиотеки составляли 7000 книг по военным вопросам; примерно 1500 были посвящены архитектуре, театру, живописи и скульптуре; было много работ и о питании⁵⁰. Богато были представлены также книги по социологии⁵¹, произведения его любимого Карла Мая, биографии, детективы и книги по эзотерике и об успехе⁵². Зато заметно мало было романов, пьес и сборников стихов⁵³.

То, что Гитлер невероятно много читал, прежде всего по ночам, бесспорно; трудно, однако, установить, какие книги он действительно прочел. Исследование Райбека дает достаточное представление о предпочтениях Гитлера, но практически не содержит надежной информации о развитии его мировоззрения. Трудно выяснить, какие книги решающим образом повлияли на его мышление, прежде всего в зрелые годы. Распространенная ошибка заключается в том, что исследователи опираются на прочитанный материал, нашедший отражение, например, в «Майн кампф», и на основании этого материала делают вывод об источниках, на которых Гитлер построил свое мировоззрение; при этом не учитывается, что большинство книг, оказавших влияние на его мышление, Гитлер прочел уже после того, как написал «Майн кампф». Этот недостаток касается и книги Райбека, который концентрируется на «доказуемо прочитанных Гитлером источниках, прежде всего из „времен борьбы“, и, насколько это возможно, нащупывает привычки молодого читателя Гитлера»⁵⁴.

Дискуссия о книге Гёца Али «Народное государство Гитлера»

В 2005 г. вышла книга берлинского историка Гёца Али «Народное государство Гитлера». Она получила широкий отклик далеко за пределами научного мира, рецензировалась и обсуждалась в ведущих немецких ежедневных и еженедельных газетах. В отличие от моей книги или работы Кроля темой Али было не мировоззрение Гитлера, а вопрос о связи между преступлениями национал-социалистического режима и лояльностью значительной части населения. Между тем его ответ демонстрирует много параллелей с тезисами моей книги о самоидентификации Гитлера как революционера.

Поэтому ниже мы остановимся на этом подробнее. НСДАП, говорит Али, представляла «одну из социальных и национальных революционных утопий прошлого <XX> века. Это делало ее популярной»⁵⁵. Задача его книги заключалась в том, чтобы «взглянуть на господство национал-социалистов как на национальный социализм»⁵⁶.

Али подчеркивает «многочисленные заимствования национального социализма из запаса левых социалистических идей»⁵⁷. Организатор массовых убийств евреев Эйхман, пишет Али, неоднократно подчеркивал в своих воспоминаниях: «Мои интуитивные политические ощущения лежали слева, подчеркивая социалистическое как минимум не меньше, чем националистическое»⁵⁸. Привлекательность национал-социализма для миллионов немцев, продолжает Али, заключалась в «обещанном народу равенстве». «Для тех, кто принадлежал к большой группе, в расовом отношении определяемой как единая, — а это были 95% немцев, — все различия уменьшались в рамках отношений внутри группы. Устранение сословных различий, на которое была направлена политика государства, начинало ощущаться в государственных молодежных организациях, в Имперском трудовом фронте, в крупных партийных организациях и постепенно даже в вермахте»⁵⁹.

В моей книге я показываю, что Гитлер видел себя социальным революционером, испытывающим сильные эмоции в отношении «трусливой буржуазии», и столь же энергично хвалил рабочих, которым он обещал возможности продвижения по социальной лестнице и равные шансы. Я, напротив, или занимался поверхностно, или вообще не занимался вопросом о том, насколько эти идеологические убеждения Гитлера соотносятся с реальными социальными изменениями с 1933 по 1945 г. Для Али, однако, это является предметом рассмотрения. Гитлер добился того, «что ни крестьяне, ни рабочие, ни мелкие и средние служащие и чиновники не были хоть в какой-то значительной степени обложены военными налогами. <...> Национал-социалистическое руководство было непреклонно, принимая на основе расового принципа решения в отношении евреев, так называемых неполноценных, а также чуждых народов, и столь же решительно, руководствуясь классовыми принципами, распределяло в рамках внутренней политики нагрузки в пользу социально более слабых»⁶⁰.

Али показывает, что германские рабочие, а также большие группы служащих и чиновников до 8 мая 1945 г. «не выплачивали ни пфеннига прямого военного налога»⁶¹. Он говорит о «налоговой доброте в отношении масс»⁶². Параллельно с этим осуществлялась «налоговая жесткость в отношении буржуазии», т.е. той общественной группы, которую Гитлер — как это описано в главе III.3 моей книги — презирал до глубины души. Одним из многих примеров налоговой нагрузки на состоятельных граждан, приводимых Али, является так называемый налог на домовладение, составивший для немецких домовладельцев в конце 1942 г. 8 млрд рейхсмарок⁶³. «Никогда за все время правления национал-социалистов не обсуждался закон, который привел бы к хоть сколько-нибудь похожей нагрузке на рабочих. Напротив,

в дискуссии вокруг налога на домовладения наглядно отражается принцип взваливания на материально более обеспеченных граждан также и явно более высокой доли военных расходов»⁶⁴.

Али демонстрирует, что социальное уравнивание, с одной стороны, и жестокая «аризация», с другой стороны, соответствовали друг другу, и показывает, в каких масштабах осуществлялась национализация собственности европейских евреев в пользу большинства германского населения. Политика уничтожения и социально-политические инициативы не противоречили друг другу, а были переплетены. «За счет национальных экономик всех оккупированных и зависимых стран, рабочей силы миллионов занятых принудительным трудом, аризированной собственности убитых евреев и голодной смерти миллионов людей, особенно в СССР, нацистское руководство создало основу для того, чтобы предоставить массам немцев возможность непосредственно пользоваться материальными плодами завоевательных походов»⁶⁵. Так национал-социализм оказывается в одном ряду с другими социалистически ориентированными тоталитарными системами. «Различаясь по методам, но так же нередко за счет третьей стороны, мобилизация масс становится ядром политических идей XX столетия. Национальный социализм НСДАП является частью этого континуума»⁶⁶.

В какой связи находятся тезисы Али с тезисами моей книги? В книге показано, что левые социалистические элементы в мышлении Гитлера играли гораздо большую роль, чем это предполагалось до сих пор. Расовые теории не были в центре моего исследования, поскольку уже имелось много надежных работ по его расово-политическим представлениям. Али объясняет, как переплетались расовая идеология и социально-революционные цели Гитлера. Читая книгу Али, я обнаружил высокую степень соответствия между системами идей Гитлера, которые я реконструирую в своей книге⁶⁷, и описываемой Али социальной реальностью Третьего рейха.

Тем не менее тезисы Али вызвали и возражения. Некоторые исследователи не соглашались с тем, что положение рабочих в Третьем рейхе действительно улучшилось. Хахтман, например, пишет в рецензии на книгу Али, что номинальные зарплаты до уплаты налогов — и в еще большей степени заработки после уплаты налогов — еще в 1943 г. были явно ниже уровня 1929 г.⁶⁸ Прежде всего, выражались сомнения, что фактические изменения в социальной структуре Германии были настолько сильны, как это утверждает Али. Будущие исследования должны будут показать, преувеличил или нет Али масштаб социальных перемен и перераспределения.

Нередко при обсуждении книги Али критикуется то, что Али вообще не утверждал. Речь идет, например, об указаниях на то, что в Третьем рейхе по-прежнему существовали классы и социальные противоречия. Хахтман выступает как против тезиса Али об «услужливой диктатуре», так и против старой точки зрения (например, у Ганса Моммзена), согласно которой народная общность была в первую очередь пропагандистским продуктом и носила всего лишь демагогический характер. Традиционные элиты, пишет

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru